

- 13 Лавров А. В. Андрей Белый // История русской литературы: В 4 т. Т. 4. Л., 1983. С. 564.
 14. Белый А. Луг зеленый // Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 330.
 15. Блок А. А. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1955. С. 169.

*Наталья Владимовна ЛАБУНЕЦ -
 доцент кафедры общего языкознания,
 кандидат филологических наук*

УДК 811.161.1'28

ЛЕКСИКА СИБИРСКОЙ ПРИРОДЫ В ЛИНГВОЭТНИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

АННОТАЦИЯ. На материале географической лексики, бытующей в русской народной речи юга Тюменской области, рассматривается проблема реконструкции исходного состояния вторичного говора.

The article focuses on the problem of the secondary dialect initial status' reconstruction. The research is based on the study of the geographical lexicon in the Russian folk speech of the south of Tyumen region.

Исследования последних лет показали, что основной лексический фонд говоров Сибири генетически связан с северными говорами европейской России. Окающая речь выходцев из Архангельской, Вологодской, Олонецкой губерний, из Перми Великой стала той базой, на которой складывалось «сибирское наречие». В составе первопоселенцев были выходцы из центральной и южной России, но их влияние на старожильческие говоры незначительно.

Формировавшиеся с конца XVI в. говоры сибирских регионов обладали как общими, так и специфическими чертами, обусловленными, с одной стороны, историей заселения, с другой — своеобразием междиалектного и межъязыкового контактирования. «Длительное совместное существование различных говоров севернорусского наречия на сибирской территории привело к тому, что возник некий средний тип говора, своего рода севернорусское койнэ, в котором можно найти черты различных говоров севернорусского происхождения, но не во взвешенном состоянии, а в сложившейся системе, своеобразном сплаве, который и характеризует собой говоры сибиряков-старожилов» [1; 68].

Процессы интеграции «перемещенной» диалектной речи материнских основ, взаимодействующей с языками и диалектами сибирских «инородцев», приводили в каждом регионе к различным результатам. Лексика метрополии, вобравшая в себя «инородческие» элементы, «перемальвалась» в новых условиях, образуя новый диалектный сплав, новый «своеобразный языковой организм» [2; 8], развивающийся в направлении унификации исходных систем.

Становление и развитие словарного состава говоров непосредственно связано с судьбой их носителей, ибо именно «лексика является такой стороной языка, в которой исторические перемены в жизни народа находят свое наиболее яркое выражение» [3; 519]. Складывание тюменских старожильческих говоров, начавшееся с конца XVI в. и завершившееся к середине XVIII в., также осуществлялось на основе очень близких друг другу говоров северновеликорусского наречия. С конца XIX в. начался период постепенной нивелировки говоров в связи с усиленным воздействием на них литературного языка [4, с. 12], поэтому современные говоры не содержат набора важнейших структурных признаков диалекта исходного состояния. «Этот набор, хотя бы в его основных чертах, должен быть реконструирован» [5; 5].

Исследователи отмечают, что в изучении истории языка лингвистика смыкается с другими историческими дисциплинами — исторической географией, этнографией, этносоциальной историей народа [6; 20]. Поэтому при восстановлении исходного состояния диалектного лексического фонда необходимо учитывать не только лингвистические, но и экстралингвистические факторы: источники и пути колонизации региона, этноязыковые процессы, формирующие территориальные диалекты в условиях межэтнического и междиалектного контактирования. В этом случае уместно говорить о лингвоэтнической реконструкции, направленной на воссоздание незасвидетельствованных языковых состояний и форм исходного периода.

Внутренняя лингвоэтническая реконструкция, понимаемая как комплекс приемов и процедур историко-лексикологической диалектологии, дает возможность выявить: во-первых, этногенетические страты в словарном составе вторичных говоров; во-вторых, лексический инвентарь их исходной базы; в-третьих, этноязыковую ситуацию, в условиях которой проходило формирование старожильческих говоров. Как известно, лексико-семантический уровень является системой с открытым списком языковых единиц, поэтому в данном случае речь идет о парциальной реконструкции, позволяющей восстановить лишь некоторые особенности незасвидетельствованных фактов языка.

В последнее время в области историко-лексикологической диалектологии, предметом которой, по выражению Ф. П. Филина, является «безбрежное море локальных особенностей», исследования разворачиваются вокруг тематических групп, основанных на классификации предметов и явлений окружающего мира. По этой причине некоторые исследователи выводят тематические объединения за пределы лингвистики. Однако в системе тематических групп присутствуют семантические связи между разделами, их формально-языковые характеристики, в том числе словообразовательные, морфологические и т. д. Кроме того, тематическая классификация «учитывает выделение различных дифференциальных признаков в структуре значений слова, ... поэтому все разделы тематической группы объединены на семасиологической основе» [7; 22]. С тематическими объединениями сближаются терминологические, учитывающие принадлежность лексики (в большинстве своем представленной именами существительными) к той или иной профессиональной сфере. Если учесть тот факт, что всякое существительное есть своего рода термин (П. Я. Черных), то следует отметить наличие частеречных отношений, имплицитно присутствующих в тематической и терминологической классификациях. Лингвистическая классификация словарного состава, таким образом, имеет пересекающийся характер, что объясняется природой самого слова, в содержании которого совмещаются различные параметры реального мира. В этой связи с позиций антропоцентрических установок актуальным является выделение денотативных классов, отражающих особенности концептуализации фрагментов языковой картины мира. В ретроспективном отношении, когда выявление когнитивных предпосылок затруднено, денотативный класс может быть осмыслен как тематический.

О значимости тематического подхода в диахронических исследованиях неоднократно писали исследователи. «Рассмотрение лексики в тематическом аспекте, — отмечал Ф. П. Филин, — имеет то преимущество, что оно позволяет полно и всесторонне установить связь между словами и обозначаемыми им явлениями, выяснить объем значений слов, их употребления... Исследование слов в составе тематических групп лексики позволяет определить удельный вес этих групп в словарном запасе языка, их рост или сокращение в зависимости от внешних, исторических обстоятельств, процессы терминологизации слов с общими значениями, изменяющееся соотношение исконных и заимствованных слов, расширение и сужение значений слов (также в зависимости от изменения «материи» и функции обозначаемых предметов и явлений), установить в некоторой степени стилистическую

дифференциацию слов в пределах тематической группы, осветить целый ряд других лексикологических вопросов» [8; 167].

В современных тюменских говорах денотативный (тематический) класс «окружающая природа», в котором реализуется концепт «место», манифестирован номинативными единицами (существительными и связанными словосочетаниями), функционирующими в одних ситуациях как лексемы с «географическим» значением (геолексемы), в других — как народные географические термины (геотермины). Обозначения положительных и отрицательных форм рельефа (гора — яма), водоемов (река, ручей, озеро, болото), мест, где произрастают деревья, кустарники, травы (лес, луг, поле) и т. д., отражают не только географическую среду, обусловившую образ жизни сибирских крестьян: географическая лексика — это своего рода «ключ» к постижению пространственных представлений народа, его мировоззрения и миропонимания. Неизменность денотата, сопряженность с региональной топонимией способствуют устойчивости народной географической терминологии, сохраняющей многие архаичные черты. «Именно такие слова, — подчеркивает А. К. Матвеев, — особенно интересны как в собственно лингвистическом, так и в историко-культурном отношении» [9; 49].

Лексика сибирской природы составляла, по-видимому, важнейшую часть лексикона первопроходцев, поэтому «едва ли не самое большое количество слов-терминов, — писал еще в начале XX в. Г. Виноградов, — вошло в употребление русского сибирского населения для обозначения ландшафтов и вообще для названия географических явлений» [10, с. 633].

Для реконструкции исходного состояния геолексического фонда тюменских говоров необходимо: 1) провести этногенетическую стратификацию географической лексики (терминологии), функционирующей в речи старожильческого населения юга Тюменской области; 2) восстановить утраченные в говорах геолексемы; 3) охарактеризовать этноязыковую ситуацию, в которой происходило формирование тюменского геолексического фонда. Разумеется, поставленные задачи, лишь очерчивая проблематику исследования, не могут быть решены в полной мере. Нельзя забывать, что лингвоэтническая реконструкция, будучи ретроспективной, «не может дать исчерпывающей языковой картины далекого прошлого, ибо она в известном смысле является одновременно и «перспективной», поскольку прослеживает происхождение лишь тех языковых явлений, которые дожили до наших дней или нашли отражение в сохранившихся текстах» [11; 36]. Указывая на трудности в решении вопросов историко-диалектологической реконструкции, мы акцентировали внимание на проблемах ретропрогностики в отношении тюменской диалектной речи.

Источником нашего исследования стали: 1) данные современных говоров, отраженные в составленном нами Словаре народных географических терминов южных районов Тюменской области [12]; 2) письменные факты, засвидетельствованные в архивных документах РГАДА, ГАТО, ТФ ГАТО (в том числе и в опубликованных), а также в печатных изданиях историко-этнографического, краеведческого и др. характера; 3) топонимы, зафиксированные в старожильческих говорах или в письменных источниках.

В качестве исходной системы старожильческих говоров юга Тюменской области условно считается синхронный срез языка конца XVI — начала XVII вв., когда по Туре и Тоболу шла первая переселенческая волна. В начале XVII в. цепочка русских поселений тянулась от Тюмени к Тобольску, в окрестностях которого в низовьях Тобола, Вагая, по берегам Иртыша также возникали русские поселения. «К 1623 г. русские деревни появились на значительном пространстве, вниз и вверх по Иртышу, его большим и малым притокам, по дубравам и озерам» [13; 110].

По всеобщему признанию историков и диалектологов, отмечает М. А. Романова, заселение Нижнего Прииртышья осуществлялось, главным образом, за счет пересе-

ленцев из северных уездов европейской России, что привело к почти повсеместному распространению окающей речи вологодско-вятского типа. Все это, а также «соседство» тюменских говоров с уральскими, дает основания предполагать, что лексикон старожильческих говоров включает значительное число элементов севернорусского происхождения.

Однако существует и другая точка зрения, согласно которой уже в XVII в. в Сибири появляются выходцы с южных территорий Московского государства, поэтому в формировании старожильческих говоров принимали участие говоры северных и южных регионов европейской России [5; 3]. Так, Л. И. Максимова, изучая предметно-бытовую лексику Среднего Приишимья, отмечает, что из 289 слов рассматриваемой группы 102 имеют ярко выраженный севернорусский характер. Остальная же часть имеет широкий ареал бытования, практически равный всей территории европейской России. Базой для формирования говоров Среднего Приишимья явились холмогорские, архангельские, онежские, двинские, белозерские говоры: «...исторические корни изучаемой лексики уходят в словарь севернорусских говоров, преимущественно северо-восточной части Московского государства» [14, с. 14]. Однако автор, основываясь на ареологических характеристиках лексем, утверждает, что в становлении начальных языковых особенностей говоров Среднего Приишимья принимали участие (менее значительное по сравнению с северо-восточной Россией) среднерусские и южнорусские говоры» [14; 15].

Решение в рамках настоящей статьи *первой задачи*, обозначенной выше, - провести этногенетическую стратификацию географической лексики (терминологии), функционирующей в речи старожильского населения юга Тюменской области, - как раз и направлено на реконструкцию исходного состояния говора в рамках одной тематической группы. Методика лингвоэтнической реконструкции лексической системы на материале томского говора разработана В. В. Палагиной, на материале уральских говоров с учетом топонимических данных - М. В. Богачевой, Л. Г. Гусевой, А. К. Матвеевым, Е. Н. Поляковой. Реконструкция некоторых географических апеллятивов осуществлялась и на тюменском материале в работах Т. А. Барановой, Т. Н. Дмитриевой, М. Н. Нечай.

Поставленная задача требует привлечения всего корпуса изучаемого материала. Предметом анализа стали 1100 словарных лексем, при этом в тематическом отношении преобладает «речная» и «лесная» лексика, к «лесной» тесно примыкает «болотная», образуя в некоторых случаях семантически не дифференцируемые комплексы типа «заросли мелкого леса в болоте ↔ болото, поросшее мелким лесом». Ср. в говорах Уватского района: «Рям — это сосняк все больше, в ряму топко, болото это, рям», «Рям не лес, не болото, а все вместе».

Преобладание лексики этих групп объясняется фактами исторической географии. Так, семантическая модель «болотный лес - лесное болото» отражает природно-географические условия территории Нижнего Прииртышья: по классификации Городкова это так называемая «урманно-болотистая» зона (зона урманов, «сырых хвойных лесов», в современной терминологии - зона южной тайги и подтайги), где произрастает «хвойный лес на болоте с густым подлеском» [15; 93]. Однако частотность семантической модели и ее лексических выражений свидетельствуют не только о природе, но и «о человеке», осваивающем природу. В этом случае отражается история ранней русской колонизации: русские, селившиеся по берегам рек в зоне подтайги, постепенно сдвигались вниз по Иртышу на север, осваивая зону южной тайги, означивая семантическое пространство «река - лес - болото».

Описываемые в Словаре 1100 диалектных геолексем можно свести приблизительно к 240 корневым (этимологическим) гнездам. Около 160 из них, основная часть «корнеслова», восходят к праславянскому языку и сопоставляются с восточнославянскими топоосновами широкого бытования: *-берег-*, *бел-*, *берез-*, *-болот-*, *-бор-*, -

брод-, быстр-, верх-, -вод-, ворот-, - (о)враг-, вяз-, глаз-, глуб-, глух-, гол-, голов-, -гор-, гор (ел)-, грив-, гряд-, гряз-, дол-, дур-, ел'-, коч-, крест-, круг-, -лес-, лип-, -лоб-, лог-, лос'-, -луг-, -лук-, мокр-, низ-, нос-, -озер-, -остров-, -плес-, -рек-, рж (а)-, рог-, -руч-, сосн-, смород-, стар-, уст-, холм-, черем (х)-, чист-, ям- и др. [16, с. 152]; багн- < **bagh*- «болото», гат < **gaty* «дорога», (ко)кор < **kokora* «лес с искривленными стволами деревьев», крив (уш) < **krivusa* «излучина реки», мох- < **tyxh* «болото», локт- < **olkt* «изгиб реки», -луж- < **luza* и др. [17; 38, 93, 20, 137, 176, 165].

Реконструкция исходного геолексического фонда периода начального заселения территории базируется на решении вопроса о диалектной соотнесенности исследуемого материала. Многие исконно славянские геолексемы как с точки зрения словообразования, так и семантики по своим ареологическим характеристикам практически являются общерусскими. Так, в тюменских говорах бытует термин *бездонка*, восходящий к прсл. **-dъn (o)*-/**-dъbn (o)*- (*Бездонка*. Глубокая яма в реке, в болоте. *Бездонка* — где дна не достанешь. *Бездонка* как обрыв, жерди пихай — дна нет). Термин *бездонка* известен в том же значении на Русском Севере в Архангельской и Вологодской областях [18; т 1; 86], в близком значении «водоворот» в воронежских говорах [19; 102]. Однако ряд слов, несмотря на восточнославянский характер основы (корня), по своим словообразовательным и семантическим характеристикам соотносятся именно с севернорусским (шире — северным) ареалом. Ср: тюменское *крутик* (в двух акцентологических вариантах) в 1 знач. «крутой берег реки, оврага, обрыв» соотносится с архангельскими, 1844 г., средне-уральскими; во 2 знач. «крутая гора» — с пермскими данными [20; вып. 15; 325].

Широкую географию имеют дериваты просторечных слов. Ср.: прост. *колдобина* «яма, рытвина», в тюменских говорах — *колдобоина*, *колдубажина*, *колдубина*, *колтоба*, *колтобина*, *кордубажина*, *кортубажина* с тем же значением. По данным СРНГ лексемы встречаются в Орловской, Псковской, Тверской, Ярославской, Белгородской, Курской, Калужской и др. областях центральной и южной России. Однако тот факт, что СРНГ не содержит указаний на северный ареал распространения лексем, еще не означает их действительного отсутствия в севернорусских говорах: материалы картотек Словаря говоров Русского Севера, Архангельского областного словаря практически еще не опубликованы и выводы делать рано. Но даже если окажется, что подобная лексика не свойственна севернорусским говорам, то и в этом случае, чтобы говорить о вхождении среднерусского и южнорусского компонента в структуру старожильческих говоров, требуются дополнительные доказательства. Нельзя исключить воздействия литературного языка, поскольку просторечная лексика в диалектах получает вторичные преобразования.

Общерусским ареалом бытования отличаются заимствования в географической терминологии, частично восходящие, по-видимому, также к восточнославянской эпохе. Речь идет о тюркских заимствованиях, получивших широкое распространение в сибирских говорах. По данным этимологического словаря А. Е. Аникина, к числу таких слов относятся корневые гнезда **буерак-*, **елан-*, **ерик-*, **курен'-*, **тайга-* и др. Всего в наших материалах представлено 15 таких гнезд, из них наибольшим объемом, семантической разработанностью, сложностью деривационных отношений обладают **буерак-* и **елан-* (ср.: *байрак*, *байрачек*, *барачек*, *бараючина*, *бараяк*, *баярак*, *баярачина*, *баяручина*, *баярык*, *байрык*, *яборак*, *яборачек*; *алань*, *еланина*, *еланка*, *еланочка*, *елашка*, *елань*, *еланька*).

Проведенное на базе широкого круга лексикографических источников сопоставление цельнооформленных тюменских геолексем с аналогичными данными широкого русского ареала показало, что основная масса таких слов по своей форме, семантическому наполнению соотносится с севернорусскими и уральскими. Ср.: тюменское *бузан* «топкое место, озерко, затянутое травой» ~ вологодское *бузун* < «трясина, зыбун» [18, т. I, с. 204] ~ пермское *бузун* «топкое место, затянутое тра-

вой» [23; 56] и др. В некоторых исконно севернорусских лексемах в зауральских условиях развивается новое значение, чаще всего связанное с обозначением глубоких низин, ср.: тюменское *бакалда* во 2 знач. «глубокий овраг с неровными обрывистыми склонами», но при этом утрачивается севернорусское значение «маленькое озерко» [18; т. I; 44].

Интерес представляет геолексема *булдырь/болдырь*. Слово известно в архангельских и вологодских говорах со значением «небольшая возвышенность на поверхности земли, пригорок, холм, кочка» [21; 54] [18; т. I, с. 137]. В тюменских говорах, главным образом в лесостепной зоне, исходное значение «возвышенность» сохраняется, а в зоне южной тайги, в уватских говорах, лексема *булдырь* развивает новое, противоположное по характеру, значение «низина, болото». Но и в этом случае, по-видимому, отражается оттенок исконного севернорусского «возвышенность → возвышенность на болоте → болотная кочка». В условиях сплошной заболоченности Уватского района в значении «возвышенность» актуализировался оттенок «возвышенность на болоте, болотная кочка», затем в результате метонимического переноса «часть → целое» возникло новое значение «болотная кочка → болото».

В тюменских говорах могла происходить контаминация исходных, севернорусских, форм и значений, так, вологодские лексемы *водяник* и *водяница* употреблялись в разных значениях, соответственно «окно воды в болоте» и «сырое место, болотце» [18, т. II, с. 141]. В тюменских говорах сохранилось *водяник* «сырое место, болотце» и др. В новых условиях севернорусские лексемы могли оформляться новыми аффиксами, ср.: тюменское *водопадник* «ручей» ~ вологодское *водопад* «ручей» [18, т. II, с. 139] и т. д.

Наиболее ярко севернорусский характер географической терминологии юга Тюменской области проявляется в группе заимствований (субстратных включений), восходящих к языкам прибалтийско-финского ареала. В наших материалах такие слова группируются почти в 30 корневых (этимологических) гнезда, причем основная часть таких слов находит соответствия и в уральских говорах: *конд-/конг-* < фин. **honka* (*hongan*) «сосна», *курья* «речной залив», *лыв (а)* < фин. **liva* «тина, грязь», *мянд-/менд-* < фин. **mänty* «сосна», *-рям-* < фин. **räme* «лес на болоте» восходит к вымершим п.-фин. языкам [22, с. 1959: 14, 15, 16, 17, 25], по данным этимологического словаря А. Е. Аникина, *согра*, *тундра* восходят к п.-фин. или саам. языкам. Ср. в пермских говорах: *курья* «залив реки на месте старого русла; топкое болото на месте старого русла реки; озерко на месте старого русла реки», *лыва* «лужа; яма в пойме реки», *мендач* «участок, поросший мелким сосновым лесом», *рям* «густо заросшее место в лесу или на опушке» [23, с. 100, 105, 109, 148]. Ср. в тюменских говорах: *курья* «залив на месте старого русла реки; низина, болото, заросшее озерко на месте старого русла реки; лог или ручей, соединяющий реку с каким-либо водоемом», *лыва* «лужа; яма с водой в лесу или в поле; низина, болотистое место; яма в болоте, трясина; окно чистой воды в болоте; глубокое озерко в зарослях камыша; чистое сухое место на болоте», *мендач* «мелкий сосновый лес со слабой некачественной древесиной, растущий в болотистых местах»; *рям* «моховое болото, поросшее мелким густым лесом; топкое болото, трясина; островок из мха, торфа, плавающий на поверхности водоема; топкий, заболоченный берег реки; кромка болота, поросшая мелким лесом; заросли густого мелкого леса в низине, в болоте; труднопроходимое место в лесу, болоте, заваленное упавшими деревьями; возвышенное место в низине, в болоте, поросшее хвойным лесом; густой хвойный лес». Важно отметить, что некоторые лексемы этой группы, развивающие новые значения, наиболее частотны в тюменских говорах.

Генетическая интерпретация лексики, функционирующей в условиях языкового взаимодействия, должна опираться на ее стратиграфическое изучение, например, учитывая фактор значительного уральского (в территориальном отношении) воздействия, можно предположить, что некоторые обско-угорские элементы окажутся пе-

ренесенными, а не заимствованиями из местных языков. Известно, что носители уральских говоров, переселенцы из Перми Великой, приняли активное участие в освоении территории Нижнего Прииртышья, а следовательно, в складывании тюменских старожильческих говоров.

Сопоставление 16 корневых (этимологических) гнезд с геолексическими данными уральского региона показало, что в тюменских говорах присутствуют финно-угорские пласты, перенесенные из уральского региона:

— заимствования из языка коми. Ср.: тюменское *ворга* «болотистое топкое место, не заросшее лесом», в пермских говорах — «дорога в лесу; проход в густом лесу между деревьями, где ставятся ловушки на зверей; топкое место на дне оврага, в пойме реки». Однако это слово могло появиться в пермских говорах двумя путями: «либо его принесли русские с севера европейской части России, где оно бытует в русских говорах, в которые попало из коми-зырянского языка; либо оно воспринято русскими в Прикамье от коми-пермяков, в языке которых оно означает тропу в лесу» [23; 65];

— заимствования из обско-угорских языков, бытующих на Северном Урале. Ср.: в тюменских говорах *куях* «хвойный лес», в уральских — «мелкий, обычно сосновый лес на сравнительно сухом моховом болоте» < * хант. (кондинское) *kujjuχ* «сосновый лес на болоте», *лупча* «участок реки, заваленный упавшими деревьями», в уральских говорах — «завалы на лесных реках, достигающие в отдельных случаях длины более километра. В некоторых случаях на лупчах вырастает лес» < * манс. (сосвинское) *luups'i*, (пельмское) *липш'* «залом на реке», *пошвар* «заросли мелкого хвойного леса в болоте», в уральских говорах — «небольшой искривленный сосняк на болоте» < * манс. *posvuog* «сырой лес» [22; 63, 64, 70].

На уральских территориях, отмечает А. К. Матвеев, где непосредственно осуществлялся процесс заимствования из местных финно-угорских языков, геолексемы в русских говорах, как правило, употребляются в одном значении, т. е. при заимствовании происходит сужение значения слова. В тюменских говорах в этих словах расширения значения не произошло, что может свидетельствовать в целом о позднем проникновении слов (по сравнению с прибалтийско-финскими заимствованиями) в русские говоры.

Исторические источники подтверждают вхождение севернорусских и уральских слов в говоры Тюменского и Тобольского уездов относительно начала XVII в. Так, Словарь русской народно-диалектной речи фиксирует (с пометами «тюм.» и «тоб.») относительно середины XVII в. лексемы: *бакалда, баярак, веретия, волок, городище, елань, ерек, колок, кочкарный, лайда, паточина, повертка, сакма, согра* и др., — что свидетельствует о хронологической глубине исследуемого геолексического пласта.

Лексикографическое описание материала, проведенное нами в Словаре, позволяет системно рассмотреть географическую лексику не только в диахроническом аспекте как тематическую группу, но и в синхроническом как полевыми структуру, имеющую ядерную и периферийную зоны. В этом случае оказывается, что ядро поля составляют народные географические термины, приближающиеся к специальным, научным. По мере удаления от центра терминологический характер полевых единиц ослабевает, поэтому периферию образуют географические лексемы, близкие к окказионализмам (или топонимам). Исследование тюменского материала показало, что центр ядра фокусируется вокруг слова *рям* (повсеместное распространение в говорах региона, даже в акающих; максимальная семантическая глубина — 10 значений; максимальное наличие словообразовательных дериватов — 16; слово «*рям*», наиболее частотное в «географических» контекстах, входит в состав словосочетаний, фразеологизмов, широко используется в фольклоре). К ядерной зоне примыкают также термины *баярак, лыва, няша, согра* (с пометой «местн.» все они, в том числе и «*рям*», употребляются в специальной и научной литературе). Зону периферии составляют лексемы, близкие к окказионализмам (или к топонимам), в ряде случаев выступающие как терминологи-

ческие субституты: *вахруша* «болотце округлой формы», *водинка* «небольшое озерко», *ворох* «бугорок, большая кочка», *мурожок* «полянка», *першиха* «кочковатое болотце», *роговик* «озерко вытянутой формы», *сизун* «моховое болотце», *щетка* «кочковатое болотце» и др. Обозначая микрообъекты, данные именованья сближаются с топонимическими и окказиональными, имеющими соответствия в среднерусских и южнорусских диалектах. Ареал распространения таких лексем в говорах юга Тюменской области – лесостепные районы междуречья Тобола и Ишима, которые заселялись выходцами из Могилевской, Орловской, Курской и др. губерний центральной и южной России в конце XIX–начале XX вв. Лингвогеографическая характеристика периферийных лексем свидетельствует о некотором влиянии среднерусского и южнорусского компонента на старожильческие говоры, но междиалектное контактирование проходило в более поздний период в XIX–начале XX веков.

Таким образом, на основании изученной нами группы старожильческих говоров выявляется геолексический пласт, генетически восходящий к севернорусским говорам. Последовательное вычленение генетических стратов с учетом результатов языкового взаимодействия позволяет идентифицировать специфичные локальные явления, в том числе заимствования. Методом стратификационного анализа вычленено 19 корневых (этимологических) гнезд, которые можно отнести к местным вхождениям. Решение этимологических вопросов как в традиционном историко-лексикологическом аспекте, так и сквозь призму этнолингвистической, геокультурной проблематики возможно лишь на основе комплексных исследований, реконструирующих реальную картину исходного состояния сибирских говоров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Цомакион Н. А. Русские старожильческие говоры Сибири // Материалы и исследования по русской лексикологии и сибирской диалектологии. Красноярск, 1971.
2. Георгиевский А. П. Русские на Дальнем Востоке. Владивосток, 1926. Вып. I.
3. Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. М., 1972.
4. Романова М. А. К вопросу о формировании сибирских говоров (Фонетическая система русских говоров по нижнему течению Тавды, Тобола, Иртыша) / Автореф. дис ... к. филол. н. М., 1967.
5. Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII вв. / Сост. Л. П. Панин. Отв. ред. В. В. Палагина, К. А. Тимофеев. Новосибирск, 1991.
6. Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. М., 1997.
7. Липина В. И. Региональный диалектный идеографический словарь: принципы построения и семантическая структура (на материале бытовой лексики говоров Среднего Урала) / Автореф. дис. ... к. филол. н. Екатеринбург, 2000.
8. Филин Ф. П. Рец. о книге И. С. Вахроса «Наименование обуви в русском языке» // Лексикографический сборник. М., 1963. Вып. VI.
9. Матвеев А. К. «Словарь говоров Русского Севера» и некоторые вопросы диалектной лексикографии // Известия УрГУ. Екатеринбург, 1995. № 4.
10. Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1929. Т. I.
11. Хабургаев Г. А. Становление русского языка (пособие по исторической грамматике). М., 1980.
12. Лабунец Н. В. Словарь народных географических терминов Тюменской области (южные районы). Тюмень, 2003.
13. Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков, 1898.
14. Максимова Л. И. Предметно-бытовая лексика Среднего Приишимья / Автореф. дис. ... к. филол. н. Л., 1976.
15. Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. М., 1993. Т. I.
16. Подольская 1983 – Подольская Н. В. Типовые восточнославянские топоосновы (Словообразовательный анализ). М.: «Наука», 1983.
17. Шульгач В. П. Праслов'янський гідронімний фонд (фрагмент реконструкції). Київ, 1998.

18. Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева. Т. Т. I – II. Екатеринбург, 2001–2002.
19. Дьякова В. И. Ареальная характеристика местной географической терминологии Воронежской области // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж: ВГУ. С. 101 – 107.
20. Словарь русских народных говоров. Вып. 1- 35. М.; СПб, 1965–2002.
21. Архангельский областной словарь / Под ред. О. И. Гецовой. М., 1982. Вып. II.
22. Матвеев А. К. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала / Ученые записки УрГУ. Языкознание. Екатеринбург, 1959. Вып. 32.
23. Полякова Е. Н. От «араины» до «яра». Русская народная географическая терминология Пермской области. Пермь, 1988.

Инна Владимировна СОЛОВЬЕВА —
доцент кафедры немецкой филологии,
кандидат филологических наук

Светлана Николаевна ШИРОКОВСКИХ —
преподаватель лингвистического центра,
г. Радужный

УДК 81'37

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ И СТРУКТУРА КОНЦЕПТА «КАТАСТРОФА»

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается содержательная структура и фреймовая модель концепта «катастрофа», описываются средства его репрезентации в немецком языке.

The article is concerned with the semantic structure and the frame model of the concept «catastrophe», its means of representation in the German language.

Обращение современных ученых к концепту — базовой категории когнитивной лингвистики объясняется новой трактовкой языка как общекогнитивного механизма. Одной из задач когнитивно-лингвистических исследований является описание структуры концептов лингвистическими средствами путем описания максимального числа слов и выражений, вербализующих тот или иной концепт в национальном языке. Концепт в когнитивной лингвистике понимается как ментальное образование высокой степени абстрактности и включает не только вербализованные, типичные признаки явления или предмета, но и все коннотации, обусловленные культурой данного народа, сферой употребления, образных представлений [1]. Концепт можно рассматривать не только как единицу национальной картины мира, но и как результат субъективного, индивидуального познания, обобщения, категоризации, поэтому всякая его типизация, подведение под общий знаменатель всегда будет представлять его существенное упрощение [2].

Лингвисты сходятся во мнении, что каждый концепт состоит из ряда концептуальных признаков, образующих концептуальные уровни, то есть представляет собой некую структурированную единицу. Однако концепт имеет нежесткую структуру и его структурное моделирование достаточно сложно, поэтому при концептуальном анализе используются различные виды фреймов: предметноцентрические, акциональные, патронимические, гипонимические и ассоциативные. Данные типы фреймов комбинируются друг с другом, образуя интегративные концептуальные модели [3].